

Вопросы финансового режима¹

В нашей среде в вопросах денежного обращения прочно оформились два крайних направления. Одно отрицает всякую опасность для нас инфляционных явлений или, по меньшей мере, во всех случаях отрицает самое их наличие; другое, наоборот, предъявляет к нашему денежному обращению чрезвычайно строгие требования и при каждом осложнении, прежде всего, требует: *noli tangere circulos meos*.

У одних и у других создалась известная инерция позиций. В таких условиях всякая попытка коснуться текущих эмиссионных вопросов невольно вызывает известную настороженность против вероятной односторонности трактовки.

В каждую вновь поднятую дискуссию, хотя бы она касалась лишь текущих вопросов денежного обращения, неизбежно вплетаются элементы этих общих позиций. Но привлекаются они сюда лишь попутно, отдельными отрывками. Их только краем захватывают, ими помахивают друг перед другом на определенной стадии ведомственного спора, но затем от них быстро вновь отходят к запальчивой трактовке вопросов сегодняшнего дня. В таких спорах эти общие мотивы не живут самостоятельной жизнью, а в повторных спорах они постепенно атрофируются. Мысль незаметно превращается в свой собственный худосочный знак, а идейный спор — в бессильное топтание вокруг мертвецки заезженного места. Чтобы хотя бы сколько-нибудь избежать этой опасности, я хочу предположить характеристике конкретных явлений сегодняшнего дня два — три общих положения, чтобы в них найти более широкую и по возможности общую для спорящих почву.

Сначала, поэтому, несколько замечаний, стоящих на грани финансов и экономики.

Деньги — концентрированная экономика

В нашем хозяйстве от времени до времени обнаруживаются достаточно серьезные разрывы. В этих разрывах выявляются конфликты между отдельными неслаженными элементами нашей экономики.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

Для настоящей темы существенен не самый факт этих разрывов, а особая форма, в которой эта дисгармоничность проявляется. Конфликты между отдельными элементами экономики проявляются сплошь и рядом не прямо. Их подлинное содержание и самые элементы, втянутые в них, остаются часто в тени, не выявленными, а дисгармонии получают маскирующую видимость конфликтов экономики с односторонними интересами денежного обращения. Несоответствия эти проявляются не в своем непосредственном содержании, а в косвенном, отраженном выражении столкновения интересов денежного обращения с требованиями отдельных отраслей народного хозяйства.

Взять хотя бы такой пример. Размах, который мы имеем в нашем капитальном строительстве, периодически создает для промышленности финансовые трудности. Промышленность использует свою прибыль и часть своих оборотных средств для капитальных затрат. Она ведет капитальное строительство так, как будто бы забота о росте ее оборотных средств с нее в основном снята и эта задача должна быть обеспечена за счет каких-то посторонних источников, в частности, кредитно-эмиссионных. В результате, в финансовом хозяйстве промышленности создается несоответствие между ее оборотными ресурсами и размером капитальных затрат. Но эта внутренняя дисгармония остается как-то в тени, а вместо нее на авансцене фигурирует другой разрыв: конфликт финансового голода промышленности и рестрикционных тенденций в политике кредита. Трудности во взаимоотношениях промышленности и кредитно-денежной системы являются лишь отраженным выражением внутренней напряженности самого промышленного развития. И т. д., и т. п.

Несмотря на огромные плановые достижения, наше хозяйство сохраняет свою товарную форму. В условиях же товарного хозяйства все и всяческие кризисы и заминки в большей или меньшей мере получают маскирующее выражение кризисов и заминок кредитно-денежных.

Маркс говорил, что „противопоставление товара и денег служит абстрактной и всеобщей формой всех противоречий“, заключенных в развитии товарном хозяйстве. Даже в наших условиях конфликты между отдельными элементами экономики нередко кажутся лишь конфликтами экономики и денежной системы.

Денежная, кредитная и бюджетная система является только одним элементом хозяйственной системы. Но это — рядовой элемент. На ряду с общехозяйственным планом это — единственный частичный элемент, в котором представлено синтетическое начало товарного хозяйства. Нервная система тоже является только одной частью организма на ряду с другими. Но, вместе с тем, она является, именно той частью, которая представляет синтетическое начало в организме. Если не бояться примитивных и всегда несколько рискованных аналогий, можно было бы сказать, что план есть головной

мозг нашего хозяйства, а финансы и денежное обращение — его нервная система.

Во взаимоотношениях между денежной системой и народным хозяйством имеется та же двойственность, что и между организмом и нервной системой: денежная система не только отдельная часть его, но именно та его часть, в которой, на ряду с планом, народное хозяйство получает свое синтетическое выражение. Это положение сохраняет силу на все время, пока наше планирование остается недостаточно всеобъемлющим.

Поэтому не надо думать, что конфликты, которые на поверхности представляются столкновением интересов отдельных отраслей хозяйства с кредитно-денежной сферой, на деле являются конфликтом именно между ними. Это всегда, прежде всего, конфликты внутри самой экономики. А эти последние в товарном хозяйстве неизменно получают не прямое, а косвенное выражение денежных, по преимуществу, затруднений.

Отстаивая устойчивую валюту, мы отстаиваем не часть, а целое. Чем сильнее будет плановое начало в нашем хозяйстве и чем слабее будут выражены стихийно-рыночные элементы в нем, тем непосредственнее будет выступать экономическое целое, не прибегая к косвенным и обходным формам заботы об устойчивой валюте. Только потому, что наше непосредственное планирование народного хозяйства еще не всеобъемлюще, значение регулирования через денежную систему сохраняет свое субсидиарное значение.

Правильно одно — высшие критерии денежной политики лежат вне денежного обращения; их можно черпать только в самой экономике (или политике). Но денежная система — не ординарный элемент на ряду со всеми другими элементами, а тот элемент, который, на ряду с планом, *par excellence* это экономическое целое выражает. А потому косвенно — в качестве посредствующего звена — она становится одним из решающих критериев хозяйственной политики.

У нас охотно противопоставляют интересы экономики интересам денежного обращения. Это — близорукая, поверхностная постановка вопроса. Маркс в свое время не прощал Грею и Прудону их требования, чтобы „благородные металлы утратили свою привилегию сравнительно с другими товарами и заняли бы соответствующее им место“. Когда Грей ставил вопрос: „Должны ли мы сохранить наше воображаемое мерило ценности — золото — и таким образом сковать производительные силы страны или же мы должны возвратиться к натуральному мерилу ценностей...“, чтобы освободить свои силы“, Маркс говорил об „удивительной глубине критики“ тех, кто требовал „уничтожения привилегии благородных металлов, противопоставляя этой привилегии интересы экономики в целом“.

Наша кредитно-денежная система — не внешний элемент в отношении к экономике, а представляет концентрированное выражение

ее, поскольку план еще не овладел ею полностью и стихия в той или иной мере сохранила свою силу. Нельзя поэтому противопоставлять друг другу интересы обоих, ибо при товарном хозяйстве целое не может получить исчерпывающе полного выражения в одном только плане.

Утверждая устойчивость валюты, мы утверждаем не один какой-либо элемент за счет других, а момент равновесия всей нашей экономики в целом. Правда равновесие денежной системы само по себе ни в какой мере не гарантирует, что обеспечивающая его экономическая политика максимально правильна и целесообразна. Здоровое денежное обращение может базироваться и на излишних запасах прочности в хозяйстве и на неиспользованности наличных в стране производственных ресурсов. Но болезненное денежное обращение всегда говорит о ненормальной или патологической экономике.

Надо определенно сказать: за счет денежной системы можно временно укрепить тот или другой элемент экономики, но не народное хозяйство в целом.

Материальный и финансовый план

Но пойдём дальше. Оставим в стороне моменты стихии и попытаемся конкретизировать те взаимоотношения, которые в пределах самого планового хозяйства существуют между материальным и финансовым планом.

Страна располагает определенной суммой материальных ресурсов. Будучи взяты в правильное сочетание, они дают определенный производственный эффект. Этот эффект может быть различен в зависимости от конкретного характера взятого сочетания. При одном эффекте может быть высоким, при другом — низким. В пределах одних и тех же ресурсов, в зависимости от того или другого их сочетания, может быть получена целая скала растущих (или падающих) производственных эффектов.

Найти оптимальное сочетание производственных элементов составляет задачу техники и экономической политики. Нахождение такого оптимума является основной народнохозяйственной задачей. Но, будучи основной, она не для всякого народного хозяйства является единственной. В самом деле. В товарном хозяйстве ресурсы прикреплены к отдельным хозяйственным единицам: трестам, синдикатам, кооперативным объединениям, индивидуальным хозяйствам и т. д. В товарном хозяйстве прямое общественное распоряжение народнохозяйственными ресурсами, прямая их перегруппировка из одних точек в другие (в интересах оптимального сочетания производственных элементов), как правило, не имеет места. Здесь существует эквивалентный (или близкий к нему) обмен. Ресурсы перемещаются из одних точек в другие на основе эквивалентного или почти эквивалентного возмещения владельцев перебрасываемых

материальных ресурсов или же на основе кредита, представляющего осложненный вариант формально эквивалентного обмена. Если в нашем хозяйстве в отношении обобщественного сектора и не исключена возможность непосредственной, проводимой прямыми велениями государства перегруппировки ресурсов (хотя, как правило, и здесь эти перегруппировки осуществляются на основе эквивалентного обмена), то в отношении частного сектора такое прямое перемещение материальных ресурсов по существу исключено. В товарном хозяйстве прямое общественное распоряжение материальными ресурсами заменяется косвенным распоряжением ими, распоряжением через финансовые мероприятия и через политику цен и заработной платы. Идет ли речь о налоговом обложении или неналоговых изъятиях, о государственном, банковском или фирменном кредите, мы имеем здесь дело с перегруппировкой материальных ресурсов не прямого, а косвенного типа.

Задача финансовой системы заключается в том, чтобы вопреки основному принципу товарного хозяйства, заключающемуся в эквивалентном обмене, обеспечить по существу внеэквивалентную перегруппировку материальных ресурсов. Осуществляется эта перегруппировка не тем, что материальные ресурсы прямыми велениями планирующих и регулирующих органов из одних хозяйств непосредственно переносятся в другие, а через финансовые мероприятия. Прямо и непосредственно распределяются здесь не материальные, а финансовые ресурсы, а материальные ресурсы лишь следуют за перераспределенными финансовыми ресурсами, притом следуют за ними „вольнорыночно“, т. е. в формах эквивалентного обмена.

* * *

Перегруппировка материальных ресурсов возможна лишь в пределах того, чем страна реально располагает, или чем она реально может располагать (скажем, за счет иностранных кредитов или внешнеторгового обмена). Если в зависимости от той или другой комбинации производственных элементов эти последние и могут показать различные варианты производительности, то все же все эти варианты могут осуществиться только в пределах тех производственных элементов, которыми страна реально располагает. Никакой технический или экономический замысел, очевидно, невозможен за пределами реально доступных ресурсов. А это значит, что народнохозяйственный план возможен только как материально сбалансированный план. Поэтому финансовый план может рационально обслужить только такой производственный план, который материально сбалансирован. Требование материального баланса есть категорическое требование, вне которого рациональный финансовый план вообще невозможен.

Но из сказанного следует также, что даже материально хорошо сбалансированный план ни в какой мере не лишает финансы их существ-

венной роли. Хозяйственный план без материального баланса бесплоден. Материальный баланс без механизма активного перераспределения мертв. А это перераспределение в подавляющей мере осуществляется силами финансовой системы. И это относится не только к неэквивалентному перераспределению, но и к той части формально эквивалентного обмена, который протекает при содействии банковского кредита. Вот почему сам по себе материальный баланс, без соответственной работы финансовой системы, мертв.

Таково в основном взаимоотношение хозяйственного и финансового плана, материального баланса и осуществляемого через финансы перераспределения.

Посмотрим теперь, какое влияние оказывает то или другое построение финансового плана на выполнение материально-сбалансированного производственного плана.

Против избыточного финансирования

Рассмотрим три случая. Один — когда финансовый план правильно пригнан к хозяйственному; другой — когда финансовый план слишком скупко обслуживает хозяйственный план, хотя последний и материально сбалансирован, и третий — когда финансирование ведется избыточно против наличных материальных ресурсов.

Если финансовый план соответствует хозяйственному плану, построенному на основе материального баланса, то благополучное развертывание хозяйственной работы в общем обеспечено. Хозяйственный план может быть реализован, ибо страна располагает необходимыми производственными элементами, притом располагает ими в нужном сочетании. Мы имеем благополучие и на стороне финансирования, поскольку оно строится в строгом соответствии с наличными материальными ресурсами и рассчитано на необходимую (для обеспечения заданного производственного плана) перегруппировку этих ресурсов.¹

Второй случай — случай недостаточного финансирования. Как сказано, и здесь хозяйственный план принимается нами, как план, правильно и целесообразно задуманный. В стране имеются необходимые для его выполнения материальные предпосылки. Но мы ведем

¹ Мы назвали случай правильного финансирования, т.е. такого финансирования, которое соразмерено с хорошо сбалансированным хозяйственным планом, самым простым случаем. Логически это, конечно, так. Положение, созданное этим случаем, действительно наиболее простое. Но создание самого этого случая является делом исключительно сложным и трудным.

Не трудно методом рестрикции недофинансировать хозяйственное строительство и тем дезорганизовать его. Не трудно инфляционным методом перефинансировать строительство и тем, с другой стороны, дезорганизовать его (см. об этом ниже). Но нахождение оптимальной меры финансирования представляет задачу, решить которую нам пока не удалось.

Некоторые вопросы методики такого финансирования составляют предмет другой работы („О технике напряженного плана“), которая одновременно с настоящей статьей печатается в № 11 „Вестника финансов“.

неправильную политику финансирования. Мы в недостаточной мере снабжаем финансовыми ресурсами тех, кто должен притянуть к себе материальные ресурсы, между тем как необходимые для этого материальные ресурсы в стране имеются. Они находятся только в других хозяйственных точках, не тех, где они по плану должны быть использованы. Результатом такого финансирования будет следующее: материальные ресурсы не притекут туда, куда они должны притечь; они либо останутся в местах своего производства, либо будут притянуты другими точками, которых — вопреки плану материальных ресурсов — мы не лишили покупательных средств. В результате, возможный к осуществлению хозяйственный план сорвется, и вместо максимально эффективного использования наличных материальных ресурсов мы получим какой-то стихийно сложившийся экономический полупродукт, далекий от первоначального замысла. А между тем, взятый замысел материально мог быть обеспечен, и срыв произошел исключительно потому, что финансовая система не разрешила задачи, которая перед ней стояла и которая могла быть решена.

Первый и второй случаи (случай нормального и недостаточного финансирования) весьма ясны. Случай нормального финансирования прозрачен по самому определению своему. Случай недостаточного финансирования хозяйственного плана бесконечно разрабатывается всеми нашими хозорганами. Дезорганизующее значение последнего очевидно. Центральный интерес представляет поэтому третий случай, — случай избыточного финансирования. О нем у нас почти не говорят. Поскольку речь идет о клиентах финансовой системы, они не склонны жаловаться на него. Об опасностях его должны бы говорить финансирующие органы. Но за последние годы и политически и практически наркоматы — клиенты явно доминируют над финансовой системой. Последняя по отношению к клиентам занимает лишь оборонительную позицию и то не слишком уверенную. В связи с этим все эти годы отсутствовала энергия даже в теоретической разработке последствий такого метода финансирования. Между тем, случай этот становится у нас „бытовым явлением“, и он уже по одному этому заслуживает пристального внимания.

В самом деле, как складывается выполнение хозяйственного плана в случае избыточного финансирования?

Страна располагает определенным количеством материальных ресурсов. Эти ресурсы могли бы быть максимально плодотворно использованы, если бы были собраны из тех хозяйств, где они сейчас находятся, и в заданных пропорциях были сконцентрированы в намеченных точках строительства.

Для того чтобы этот план был осуществлен, необходимы два финансовых условия. Первое — чтобы хозяйственные единицы, которые должны притянуть к себе необходимые материальные ресурсы, были в полной мере снабжены денежными средствами. И второе — чтобы все остальные точки (которые в условиях материаль-

ного дефицита не должны притягивать к себе материальных ресурсов) были лишены соответственного количества финансовых средств или, если они еще не превратили своих материальных ресурсов в денежные, чтобы они финансовым нажимом были предварительно к этому принуждены.

В тех случаях, когда ресурсы не распределяются прямо и непосредственно веляниями регулирующих инстанций, а перемещаются по законам рынка, снабжение одних финансовыми средствами без того, чтобы других лишить этих средств, не обеспечивает необходимого перераспределения материальных ресурсов. Если даже одни будут полностью снабжены финансовыми ресурсами, а другие не будут лишены избыточных средств (избыточных в отношении данного конкретного плана и данной массы ресурсов), то притяжение первыми необходимой совокупности материальных ресурсов не состоится. Поскольку распределение производится через рынок, т.е. через денежное притяжение (и на рынке имеется ограниченное количество производственных элементов), последние распределяются в некотором соответствии с распределением платежеспособного спроса. И если этот платежеспособный спрос избыточен против наличных производственных материалов, то производственные материалы растекутся тонким слоем по большинству носителей спроса и распределятся между ними в самых причудливых и произвольных по отношению к плану сочетаниях. А это значит, что вопреки тому, что необходимые для данного плана ресурсы имеются налицо, они не будут сконцентрированы там, где это было намечено; они, следовательно, не дадут того производственного эффекта, который ожидался и который по состоянию самих производственных элементов мог быть обеспечен.

Наличие избыточных финансовых средств губит всякий правильно задуманный хозяйственный план, если этот план построен на достаточно полном и напряженном производственном использовании материальных ресурсов страны. Другое дело если хозяйственный план строится с большим запасом, если он предполагает использовать ресурсы страны лишь на каких нибудь 60—70%, а за счет остальных 30—40%, создать большие резервы. В этом случае избыточное, скажем, процентов на 20 против плана финансирование не принесет еще ущерба основному строительству. Если план использования материальных ресурсов построен на больших резервах, то избыточное против плана финансирование еще не обязательно будет и по существу избыточным. В этом случае „избыточное“ финансирование лишь дополнительно мобилизует часть этих товарных резервов, но не дезорганизует основного строительства. Но если хозяйственный план строится с величайшим напряжением, строится так, чтобы все или почти все народнохозяй-

ственные ресурсы были концентрированно использованы по основным линиям, и свободных резервов, могущих быть по произволу использованными в непредусмотренных направлениях, план не оставляет, то здесь всякое избыточное финансирование губит план. Оно создает избыточные и бесконтрольно рассеивающиеся точки притяжения материальных ресурсов и тем самым в корне расстраивает основной хозяйственный замысел.

Многорезервное хозяйство (с эластичным спросом) может, не бояться либерального финансирования. Для него оно, скорее, благотворно. Но для безрезервного хозяйства повадки либерального финансирования губительны. Они говорят лишь об экономической некультурности и о торжестве индивидуалистического рвательства и антиобщественного хозяйничанья над настоящим плановым режимом.

Финансовая система обязана полностью обеспечить необходимое финансирование в намеченных точках концентрации материальных ресурсов. Но она для того в такой же мере обязана в остальных точках изъять (в налоговой ли форме или форме мобилизации сбережений) излишние — против плана материального перераспределения — финансовые ресурсы. Правильное и полное финансирование основных хозяйственных организаций неизбежно требует финансовых изъятий и строгой рестрикции в отношении тех, кто при данных ресурсах не может, а следовательно, и не должен быть обеспечен материальными средствами. Поэтому универсальный финансовый либерализм есть вернейшее средство погубить напряженный хозяйственный план. Последний требует полного финансирования одних и постановки на строгий финансовый паек и изъятия ресурсов у других. Это значит, что он требует не только полного финансирования важнейших направлений, но в условном смысле и монопольного их финансирования. Второе — не менее существенный элемент правильного финансового плана, нежели первое.¹

* * *

У нас, однако, распространено противоположное понимание. Обыкновенно так рассуждают: наш хозяйственный план крайне

¹ Вот почему эмиссия является по существу неподходящим методом финансирования такого хозяйственного плана. Эмиссия означает снабжение одних организаций ресурсами без того, чтобы предварительно лишить другие организации этих средств. Эмиссия означает снабжение одних организаций ресурсами при условии, что финансовые ресурсы других организаций остаются нетронутыми. А это означает не концентрацию средств в единственно возможных точках строительства, а распыление их по слишком широкому фронту. Методом перераспределения финансовых ресурсов могут быть только бюджет и кредит, политика цен и политика заработной платы, но не эмиссия. По крайней мере это так при малорезервном хозяйстве. У эмиссии — свои, совсем другие, притом строго определенные задачи. Нормальным же средством перераспределения ресурсов она служить не может.

напряжен. В своих производственных элементах он балансируется с величайшим трудом. А потому мы не вправе усугублять напряженность самого материального плана еще и строгой и придирчивой размеренностью финансирования.

Напряженность материального плана ничем не может быть ослаблена. Границы материального хозяйства не могут быть резко и произвольно раздвинуты. Другое дело денежные средства. В отличие от материальных ресурсов они эластично поддаются экспансии. Но если так, то мы обязаны облегчить положение наших хозорганизаций, компенсируя их хотя бы известной вольготностью финансирования. Надо, по крайней мере, с этой стороны не усложнять положения и без того чрезвычайно напряженного материальными нехватками. Поэтому если в напряженности и ограниченности материальных ресурсов есть своя неизбежность, то в сдержанном финансировании нет ни неизбежности, ни тем менее целесообразности.

Такова обычная аргументация. На первый взгляд она может быть и кажется убедительной. Но она в корне ложна.

Верно обратное. Если материальные ресурсы напряжены, то финансирование не „сметет“ быть либеральным и избыточным, ибо такое финансирование не только не компенсирует напряженности материальных ресурсов, но бесконечно усугубляет опасность последней. При недостатке материальных ресурсов и избытке финансирования мы наши ограниченные материальные ресурсы неизбежно будем распылять по растянутому фронту. В результате материальные ресурсы будут разводнены между большим числом организаций, чем сколько могут быть реально ими насыщены и целесообразно и с хорошим темпом обслужены. В результате ресурсы эти не произведут даже того производственного эффекта, который мог бы быть обеспечен, если бы они были сконцентрированы на меньшем участке.

Ограниченность материальных ресурсов требует исключительно четкого распоряжения ими. Но так как в товарном хозяйстве распоряжение материальными ресурсами регулируется через финансирование, то эта ограниченность ресурсов требует чрезвычайно строгой финансовой политики, значительно более строгой, чем при малонапряженном состоянии материальных ресурсов.

Сторонники либерального финансирования не хотят быть „фетишистами денежного обращения“. Они хотят от кредитно-денежных видимостей идти к экономическому существу явлений. Это очень хорошо. Беда только в том, что они ограничиваются при этом одними лишь превосходными жестами в сторону экономки, освобождая себя от обязанности конкретно проследить экономическое существо того, что стоит за кредитно-денежными видимостями.

И с другой стороны: если явления денежного обращения представляют собой лишь маловажную видимость, то откуда эта напря-

женная борьба за финансовые ресурсы. Разве не следует из самого факта такой борьбы, что та или другая финансовая политика предпринимает кое-что и в самом распределении материальных ресурсов; что финансовый и материальный ряды не так уж оторваны друг от друга.

Можно ли, в самом деле, думать, что расплывчатая финансовая политика не предпринимает расплывчатого рассеяния материальных ресурсов. Можно ли сомневаться в том, что неряшливо-либеральная финансовая политика может лишь дезорганизовать материальный ряд.

И следует ли считать, что в финансовом ряду допустима неосмотрительно-либеральная политика, а в материальном ряду нам удастся с помощью такой финансовой политики навести четкий порядок и провести строгую концентрацию ресурсов в нужнейших точках и только в них.

Фактическое положение

Мы возражаем против избыточного финансирования. Но имеется ли оно у нас в действительности? Не представляет ли „избыточное“ финансирование только надуманную возможность, далекую от того, чтобы быть характерным массовым фактом?

У нас широко распространено мнение, что в нашей хозяйственной системе финансы находятся скорее в минимуме, что они играют роль лимитирующего элемента, что если бы не бюджетная и кредитная рестрикция, то народное хозяйство могло бы развиваться значительно шире и быстрее. Так ли это? Присмотримся к нашей действительности.

Если спросить любой хозяйственный орган, поскольку он является потребителем и покупателем чужой продукции, то он скажет, что если бы он в кредитном или бюджетном финансировании не был ограничен, а главное, если бы он „своевременно“ был снабжен деньгами, то смог бы несравненно шире развернуть свою работу. Он пожалуется, что деньги „в минимуме“ и „в опоздании“, а это насильственно калечит размах его хозяйственной работы. Если спросить каждого отдельного покупателя, то мы получим довольно дружные показания, что они чувствуют на себе известный финансовый зажим, хотя конкурирующие с ними покупатели в совокупности и снабжены деньгами в большой мере, чем имеется нужных товаров.

Если обратиться с аналогичным вопросом к хозяйственной организации, поскольку она выступает не как покупатель, а как продавец товара, то услышишь столь же дружное указание на всеобщее превышение платежеспособного спроса над возможным предложением. Можно без риска преувеличения сказать, что, как правило, у нас нет такого треста, продукция которого залеживалась бы потому, что ей не противостоит достаточный платежеспособный спрос.

Нашим хозяйственным органам, как отдельным покупателям, кажется, что в качестве реального препятствия для расширения своей работы они наталкиваются, прежде всего, на дефекты финансирования (при избыточном, может быть, финансировании других); но как продавцы, они безоговорочно констатируют, что рынок переполнен покупателями, располагающими финансовыми ресурсами, достаточными для того, чтобы поглотить продукцию и значительно больше, чем та, которая может быть выброшена на рынок.

Или другая черта нашей действительности. Сейчас жалуются может быть даже чаще на несвоевременное финансирование, нежели на недостаточное финансирование. Хозорганы утверждают, что ежели бы они деньги получили на три—четыре месяца раньше, они еще могли бы запастись теми производственными материалами, отсутствие которых сейчас нарушает их работу. К этому указанию стоит прислушаться, ибо в нем есть нечто, что может облегчить понимание общего положения.

Хозорганы признают, что в разгар производственного или строительного сезона действительно бывает невозможно полностью и целесообразно использовать наличные денежные средства. Какое же значение может иметь для общей оценки положения то обстоятельство, что в разгар сезона уже невозможно запастись нужнейшими производственными элементами. Очевидно, что к этому моменту уже полностью вскрывается несоответствие между платежеспособным спросом и возможным предложением. Каждый отдельный хозорган может не делать такого общего вывода, ибо его интересует не оценка общего положения, а собственный запас материалов, который он должен образовать любой ценой. Он не задерживается поэтому надолго на этом общем выводе. В соответствии с его практическим интересом, он быстро переходит к выводам совершенно другого порядка. Если в разгар сезона нельзя обеспечить себе нужных количеств и сочетаний производственных материалов, а подчас и рабочей силы, то очевидно, что он должен запастись ими раньше. Но для этого он должен быть более „своевременно“ профинансирован. Так как он имеет перед глазами случаи, когда организации, несколько раньше располагавшие средствами, действительно запасались материалами, то его вывод направляется на то, что финансирование запоздало. Так думает один, второй, десятый, сотый... В результате, создается общее мнение, что срыв строительства не в малой мере зависит от запоздалого финансирования.

В отношении отдельного хозоргана такое объяснение и на самом деле правомерно. Но достаточно попытаться обобщить его, чтобы понять всю его вздорность. В самом деле, если не только тот или иной отдельный хозорган, но и вся масса их будет достаточно „своевременно“ профинансирована, то, очевидно, результат сможет быть только один: прежние затруднения выявятся на три месяца раньше. Или даже больше того. Если в самый разгар сезона,

т.е. тремя—четырьмя месяцами позже, на базе соответственного добавочного производства этих месяцев не удастся насытить весь платежеспособный спрос, то очевидно, что при всеобщем приближении сроков финансирования дефицит не только обнаружится раньше, он и окажется большим. В результате будут считать, что трехмесячное авансирование недостаточно, что деньги должны выдаваться не тремя, а шестью месяцами раньше, что только при этом условии можно еще успеть запастись необходимыми материалами. И сказка про белого бычка будет повторена во всей своей наивной свежести. Несответствие между платежеспособным спросом и предложением в отношении того или другого отдельного хозоргана можно преодолеть более ранним финансированием; но только при том условии, что это более своевременное финансирование не будет распространено на остальных. Только на основе монопольности такого более раннего финансирования та или другая организация действительно могла бы с помощью его запастись необходимыми материалами. Универсальное же применение такой практики является выходом, совершенно фиктивным.

* * *

Внимательное изучение конкретной действительности в ее целом свидетельствует со всей неопровержимостью, что у нас в минимуме все, что угодно, только не деньги и не кредит. Каждому отдельно потребителю временами может казаться, что в минимуме у него деньги, что при „достаточном“, а главное „своевременном“ финансировании он смог бы вырвать для себя необходимый, хотя бы и дефицитный товар. Но не может быть сомнений в том, что в отношении всей совокупности носителей платежеспособного спроса ни кредит, ни бюджетное финансирование не являются лимитирующим элементом и что в минимуме находится материальное предложение.

Если присмотреться к тому, как были выполнены составленные весной 1928 г. промфинплан и бюджет, то надо сказать, что нет ни одного материального показателя, который в конце истекшего года был превзойден по сравнению с тем, что намечалось к периоду утверждения промфинплана и бюджета. И единственный показатель, который был значительно превзойден по сравнению с весенними планами, это — финансы и, прежде всего, денежное обращение и кредит. Уже это одно говорит о том, что ошибочно утверждение, будто финансы находятся у нас в минимуме.

В минимуме находятся материальные ресурсы. И никакое либеральное финансирование ничего не может изменить в этом положении вещей, кроме, быть может, одного: еще больше дезорганизовать рынок и еще больше снизить эффективность народнохозяйственного использования ресурсов, которыми располагает страна.

Может, однако, показаться странным: если у нас нет недостатка в деньгах, то почему же у хозорганов средства не накапливаются на текущих счетах, почему у них касса падает, почему у них нет избытка средств, почему они так жадно требуют дополнительного финансирования. Как примирить одно с другим. Как сочетать утверждение, что финансы у нас находятся в максимуме, с видимым недостатком их.

Всякий хозорган, намечающий то или другое строительство и снабженный средствами, спешит закупить ту часть товаров, которую он может получить, занимает сезонную, а иногда даже и постоянную рабочую силу, которой он может располагать, ибо позже может оказаться недостаток и в этих товарах и даже в нужной ему рабочей силе. Он все это собирает, хотя бы для него и оставалось неясным, удастся ли ему получить все остальные элементы, необходимые для производства и строительства.

Для реального производства наличия отдельных только элементов, конечно, недостаточно. Чтобы производство шло и строительство совершалось, необходима, очевидно, правильная совокупность всех их. Ни у одной хозяйственной организации нет уверенности, что она сможет обеспечить себя всеми элементами строительства и производства в нужных пропорциях. Несмотря на эту неуверенность, все стремится заготовиться, пока что, хотя бы тем, чем можно запастись, хотя бы частью продуктов, хотя бы с риском того, что они будут месяцы и годы лежать втуне, пока не удастся получить других элементов.

Что в результате этого получается? Результаты эти можно наблюдать в любом строительстве. Как часто у нас из 6 дней недели сколько-нибудь правильно работа идет 4 или 5 дней, в остальное же время часть рабочих стоит без работы за нехваткой сегодня кирпича, завтра цемента, послезавтра алебастра, затем сухого леса, кровельного железа, краски и т. д., и т. п. Рабочая сила оплачивается и в этот пятый и шестой день. В той или иной части (сегодня в одной части, а завтра — в другой) строительство стоит, продукция не создается, а тяжело лежащиеся на народное хозяйство расходы идут, и ресурсы непроизводительно уничтожаются.

РКИ в своем докладе СТО пишет:

„Общей болезнью являются вопиющие недостатки снабжения, значительно удорожающие строительство. Дефицитность строительных материалов является источником срыва всякого плана снабжения. Стройкомторы, не уверенные в возможности получить в нужный момент требуемые материалы, прибегают к чрезмерной страховке, создавая часто запасы ненужных материалов. Так, в Индустрое затоваривание по одним металлам к январю 1928 года составляло 2.280 тонн, а общее затоваривание выражается суммой свыше 3,5 млн. руб.

Отсутствие материалов на близлежащих рынках заставляет прибегать к дальним перевозкам. Так, Текстильстрой заказывает красный кирпич в Подольской губернии, Госпромстрой дает заказ заводу Донсода в Лисичанске на доставку в Москву миллиона штук силикатного кирпича и т. д.“

И это не только в строительстве, но и в промышленности. Тов. Коссиор так живописует эту картину:

„На ряду с видимыми „хвостами“ у нас имеются „хвосты“ невидимые, с которыми, однако, приходится сталкиваться не менее, если не более часто.

Недостаток черных и цветных металлов ограничивает возможности развития нашего машиностроения. Имевшие место случаи перебоев в снабжении черными металлами приводили к простоям цехов, а иногда и целых заводов. Это первый скрытый „хвост“, хвост ожидающих работы рабочих и вхолостую вращающихся машин. Второй „хвост“, скрытый от постороннего глаза, находится за лесами начатыми, но с перебоями снабжаемых строительными материалами построек. Имевшие место факты остановки целых предприятий из-за того, что теплосиловое хозяйство поистрепалось электростанции давно требуют замены, также образуют иногда „хвосты“, исчисляемые не десятками, а тысячами человек. Наконец, перед нами вырастает угроза увеличения, пока еще находящегося в зародышевом состоянии, „хвоста“ за топливом, где снова может создаться узкое место в развитии промышленности и транспорта.

„Хвосты“ образуются по вине безмолвствующих станков и моторов, тысячами рабочих, ждущих работы, неизбежно оплачиваемых за простои и увеличивающих потом „хвосты“ на улицах за недопроизведенными товарами“.

У хозорганов деньги имеются в избытке по сравнению с возможностью соразмеренного совокупного материального обслуживания своего строительства. Но расходы по одним элементам идут независимо от того, производится ли эффективная работа. Запасы одних товаров делаются в совершенно несообразных размерах, притом при отсутствии каких бы то ни было запасов по другим товарам. Об этих излишних запасах легко забывают, о выброске их никто не помышляет, а все помыслы концентрируются исключительно на приобретении недостающих материалов, для которых — на базе идущей своим чередом оплаты простоев и оплаченных излишних запасов — сплошь и рядом действительно не хватает средств. В результате мы имеем и удорожание работ и создающуюся нехватку в средствах.

То, что на деле является нехваткой материалов и избытком средств, то на основе резкого удорожания (вследствие обусловленных этим избытком средств) запасов, перебоев снабжения и накопления нерациональных превращается в недостаток денег.

Одновременно с этим у одних получается избыток рабочей силы против наличных материалов, у других — недостаток рабочей силы против наличного строительного материала или избыток какого-либо одного материала при недостатке другого. Дезорганизация строительства растёт, и возможность эффективного использования даже тех ресурсов, которыми страна располагает, падает. В результате избыточного (против наличных материальных ресурсов) финансирования народное хозяйство развивается медленнее, чем оно могло бы развиваться. Чрезмерное финансирование распыляет материальные ресурсы, вместо того чтобы концентрировать их в самых нужных, реально возможных точках строительства; оно понижает тем самым возможность производственного эффекта за счет тех ресурсов, которыми страна реально располагает. Ответственность за эту дезорганизацию, за это понижение эффективности хозяйственного использования ресурсов в заметной мере несет избыточное финансирование.

Верно, что финансы у нас подчас задерживают строительство; но вызывается это сейчас уже не столько общим недостатком, сколько общим избытком финансирования.

* * *

Обыкновенно утверждают: раз финансируемая хозорганизация берет в банке деньги, то она может, очевидно, их реально использовать на рынке. Если полученные в порядке учетно-судных операций средства не остаются неиспользованными на текущем счету, очевидно, хозорган находит на рынке противостоящий его деньгам товар. А в этих условиях нельзя говорить об инфляции.

Правилен ли указанный критерий? Если хозорганы, не находя на рынке товаров, основным образом нужных им, достаточно часто приобретают вместо них товары малонужные, товары, не стоящие в центре их потребности, или за счет отдельных, нужных, вообще говоря, товаров образуют технически избыточные запасы, то о чем говорит такая практика? Прежде всего, о том, что в отношении значительной части нужных товаров мы имеем несоответствие между спросом и предложением.

Хозорган может полностью использовать свои финансовые ресурсы, но он использует их в какой-то части за счет приобретения малонужного товара. Полагают, что если на деньги удастся купить товар (хотя бы это в известной части был товар сейчас ненужный или нужный не в первую очередь), то это с бесспорностью свидетельствует, что никакой инфляции нет.

Но почему хозорган делает запасы такого товара? Рациональное ведение дела строится на том, что производственные элементы приобретаются на средний срок и в какой-то внутренне мотивированной пропорции. Если хозорган запасается отдельными товарами безотно-

тельно к этой нормальной пропорции, если он в связи с неравномерным расходованием отдельных производственных элементов (в частности рабочей силы) идет на значительное удорожание производства, если он пользуется банковским кредитом безотносительно ко всем этим критериям, — то это значит, что деньги начинают утрачивать свое значение инструмента строгого отсева хозяйственно-целесообразного от нецелесообразного.

Не бывает такой инфляции, при которой хозяйствующие организации вообще отказывались бы от банковского кредита. Признаком того, что страна перешагнула за границу здорового денежного обращения является не то, что коммерческие организации отвергают доступный им банковский кредит, а то, что пользуясь этим кредитом, они поглощают товарные массы иначе, чем это делается в условиях нормального денежного обращения. Инфляционное состояние денежного обращения отличается от здорового не тем, что при первом кредитом вообще не пользуются и не тем, что деньгами на рынке вообще не противостоят никакие товары; а тем, что полученными кредитными ресурсами начинают иначе распоряжаться, чем в нормальных условиях. Если при здоровом денежном обращении носитель платежеспособного спроса разбавив, строг и требователен и берет только действительно нужный товар, только в действительно нужных количествах, запасается товарами только в строго мотивированных пропорциях, то в условиях инфляции разбавчивость слабеет, товар берется в немotивированных количествах и независимо от того, удастся ли его восполнить нужным количеством других товаров.

Не бывает такой ультра-выраженной инфляции, при которой деньги вообще не могли бы быть израсходованными на покупку товара. В условиях обычной инфляции товарные цены быстро поднимаются и деньги покрываются товарами на основе такого повышения цен. Если же цены жестко регулируются, то в действие вступает другой процесс, но с аналогичным результатом. Вместо нужнейших товаров начинают приобретать товары, мало нужные, постепенно проходя всю шкалу, от товаров, стоящих в фокусе потребности, до самых периферийных. И опять-таки деньги в большей или меньшей мере покрываются товарами. Они покрываются в этом случае в меньшей мере, чем при нерегулируемых ценах (отсюда товарный голод), но все же значительно более полно, чем это было бы при сохранении естественного строения приобретений и естественной их очередности.

Если товарные цены не регулируются, то они в меру инфляции быстро растут и на этой основе устанавливается временное соответствие между платежеспособным спросом и товарным предложением. Переход от основных потребностей к второстепенным и третьестепенным при этих условиях выражен значительно слабее, чем при регулируемых ценах, ибо избыточный платежеспособный спрос остается

концентрированным, прежде всего, на самых нужных товарах. Платежеспособный спрос при этих условиях мало рассеивается по периферийным потребностям. В результате этого избыточные деньги рассасываются в первую очередь за счет этих важнейших товаров, и их быстро растущих цен. Поэтому при нерегулируемых ценах, в периоды ярко выраженной инфляции цены отдельных товаров несильно разнятся друг от друга: одни достигают геркулесовых столбов, другие стоят много ниже среднего индекса.

Это расхождение цен отдельных товаров крайне характерно для инфляции в условиях нерегулируемых цен. Оно говорит о том, что таким путем пробивает себе дорогу технически обусловленная пропорция отдельных приобретений. В условиях же эффективно регулируемых цен вместо этого идет другой процесс. Нормальное строение приобретений, правильное сочетание отдельных товаров в покупках уже не может проложить себе дорогу путем неравномерного роста цен отдельных товаров. В этих условиях цены на разные товары растут значительно более равномерно, спрос же вынужденным образом направляется на товары третьего и четвертого порядка.

* * *

При любом неорганизованном или недостаточно организованном хозяйстве отдельные материальные элементы производятся в неправильных пропорциях: одни — больше чем нужно, другие — меньше чем нужно. Но в условиях нормального денежного обращения отдельные, излишне произведенные товары не находят себе покупателя. Товары, производство которых забежало вперед, остаются на складе производителя или одного из ближайших к нему звеньев оптовой торговли. Тот факт, что отдельных товаров произведено больше, чем это диктуется требованиями пропорционального строения товарной массы, не может никого заставить приобрести этот товар у производителя. Отвлекаясь от воздействия цен, покупатель приобретает товар не в тех пропорциях, в каких он проявлен, а в пропорциях, которые отвечают строению его хозяйственных потребностей. За эти рамки он, как правило, не выходит.

Для инфляционного хозяйства характерно другое. Любой товар, будь он произведен и в несоответственной пропорции, не останется у производителя, а найдет себе дорогу к покупателю. Издержки и отрицательные последствия непропорционального строения продукции при инфляции несет не производитель, а носитель платежеспособного спроса. Он поглощает товар в любых пропорциях, ибо располагает избыточными, качественно дегенерировавшими денежными средствами. По сравнению с ними даже товары, и не в рациональной пропорции произведенные, даже товары, не могущие быть правильно дополненными другими товарами, представляют практически большую ценность, чем эти дегенерировавшие деньги.

Тот факт, что покупатель может израсходовать свои средства (приобретая малонужные товары), поэтому не говорит еще о здоровом денежном обращении. Роль лакмусовой бумаги для определения инфляции играет другое: что и как покупает хозорганы и потребитель; переходят ли они к товарам последующего порядка лишь по удовлетворению своего спроса на товары более раннего порядка или еще до такого удовлетворения; в каких пропорциях они покупают те или иные товары, покупают ли они один товар, независимо от того, обеспечено ли им приобретение комплементарных (дополняющих) товаров или в строгой зависимости от последнего.

Если названные отрицательные показатели становятся массовым явлением, то деньги и кредит стали избыточными, и инфляционный процесс начался.

* * *

Может показаться, что если товары произведены в неправильных пропорциях и если, в связи с этим, покупатель вынужден приобретать не то, что ему первейшим образом нужно, и не в тех сочетаниях, как это ему нужно, то явление это растет целиком со стороны товаров, а не денежного обращения. Какое касательство может к этому иметь инфляция, если производство самих товаров идет в неправильных соотношениях; как можем мы вменить эти производственные диспропорции политике денежного обращения?

Предположим, что неправильное строение товарной массы действительно вызвано явлениями на стороне товаров. Основным является вопрос: почему эти неправильно произведенные товары не оседают и не залеживаются у производителя, а несмотря на эту внутреннюю неприглядность и нецелесообразность состава производства все же находят путь к потребителю (производственного или прожиточного типа)? Почему этот последний, несмотря на аномалии состава товарной массы, полностью их поглощает? Почему они откладываются технически нецелесообразным запасом на складах покупателей, вместо того чтобы мертвым грузом лежать на складах производителей? Даже если неправильная диспропорционированность и должна быть объяснена факторами, независимыми от инфляции, то сопутствующий этому второй факт, что нерациональный, потребностями немотивированный ассортимент товаров находит все же свой путь к покупателю, объясняется только инфляцией. Если бы в стране не обозначилась инфляция, покупатель приобретал бы товары только в целесообразно диспропорционированных ассортиментах, равняя приобретения избыточных товаров по технически связанным с ними дефицитным товарам.

Однако, и в отношении самого непропорционального производства товаров инфляция не совсем безвинна. Если товар произведен

в несоразмерном с другими, комплементарными (дополняющими) товарами количестве и он залеживается у производителя, то в следующем производственном кругообороте производитель наверняка учтет это обстоятельство; он несомненно скорректирует свое производство. С теми или другими трениями, но фронт товарного производства будет выравнен. Если же страна вступила в полосу инфляции и на базе этой последней всякие, хотя бы и в неправильной пропорции произведенные товары находят своего покупателя, то эта неправильность имеет значительно меньше шансов быть прокорректированной. Национальные ресурсы будут и дальше получать неправильное направление, и требования гармоничного строения производства будут с значительно меньшим успехом пробовать себе дорогу. В результате народнохозяйственная эффективность производства останется на пониженном уровне, и ответственность за это будет не в малой мере нести инфляционное финансирование.

* * *

Для наших условий характерно, что ни производящий трест, ни специально связанная с ним оптовая организация, как правило, не имеют запасов своей продукции. И это так независимо от того, что именно производит данный трест, сырье ли для других отраслей, или производственные материалы для них, или оборудование, или же готовые изделия для широкого рынка.

На ряду с этим бросается в глаза другая черта. Почти у каждого треста, у каждой железной дороги, у каждой стройконторы накапливаются явно избыточные запасы отдельных видов сырья и материалов (на ряду с кричащей нехваткой у них же других видов сырья и материалов).

Было бы, конечно, неправильно утверждать, что, на ряду с огроменностью реализационных запасов собственной продукции, наши предприятия, как правило, располагают избыточными производственными запасами. В такой общей форме это противопоставление, конечно, неверно. Но все же если по ряду отдельных статей сырья или материалов или топлива предприятия сплошь и рядом имеют явно избыточные, а иногда и многолетние запасы (можно считать, что таких нерациональных запасов в общественном секторе имеется, примерно, на 500 млн. рублей), то по собственной продукции предприятия, как правило, ни по каким статьям не имеют таких запасов. У производящей организации или у специально связанного с нею оптового звена вы не найдете залежавшихся запасов собственной продукции; но совершенно не исключено, что вы найдете избыточные, подчас длительно залеживающиеся количества производимой ею продукции у следующего производственного звена, у производственного потребителя ее.

Таково положение вещей, если его брать с фактической стороны. Попытаемся проанализировать это явление с точки зрения его народнохозяйственного значения.

У нас нет сколько-нибудь достаточных товарных резервов. Это совершенно бесспорно. Но надо иметь в виду, что наше представление о степени этой недостаточности, при безусловно общей его правильности, все же несколько преувеличено.

Тот факт, что на складах производителя или в ближайшем к нему оптовом звене запасы собственной продукции, как правило, совершенно не накапливаются, не в полной мере характеризует фактическое положение вещей. Вообще говоря, запасы этой продукции имеются в несколько большей мере, чем об этом можно судить по наличию их на складах производящих и торгующих организаций. Избыточные по отдельным видам запасы сырья и материалов на складах потребляющих организаций вносят в эту картину некоторый (правда, частичный) корректив.

Но хотя этот корректив и говорит о реально имеющихся дополнительных ресурсах, на деле ресурсы эти лишены народнохозяйственного значения; с некоторой натяжкой можно было бы сказать, что народнохозяйственно их все же не существует. Почему это так? А потому, что эти избыточные запасы лежат мертвым грузом и не только фактически не используются для производства, но и не могут быть здесь сейчас использованы. Народнохозяйственно они дали бы значительно больший эффект, если бы оставались в месте своего производства или — лучше — в оптовоторгуемом звене.

Никто не станет искать этих ресурсов на складах потребителей. Их ищут только на складах оптовой торговли или у производителей. Там, где они находятся в избытке, их не ищут, а там, где их ищут, их, при данном размещении, нет. Если бы эти запасы были производственно мобилизованы, они могли бы дать народнохозяйственный эффект. Залеживаясь на складах потребителя, они представляют прямой вычет из производственно-активизированных народнохозяйственных ресурсов.

В отношении этой части наших ресурсов мы обыкновенно допускаем двойную ошибку. Во-первых, мы ограничиваем свое внимание исключительно запасами на складах производителей и синдикатов, и тем самым несколько преуменьшаем наши фактические запасы. Во-вторых, мы недооцениваем влияния того или другого размещения этих ресурсов на эффективность их народнохозяйственного использования. Мы недооцениваем, что нахождение тех же ресурсов на складах их производителей или — лучше — оптового звена позволило бы значительно шире развернуть народнохозяйственное использование этих запасов, чем нахождение их в виде чрезмерных запасов у потребителей.

Казалось бы, что нахождение товарных запасов у производственных потребителей (а не у производителей данного продукта)

приближает их к тем точкам, где они могут скорее всего дать народнохозяйственный эффект. Однако, не всегда это так. Поскольку они у производственных потребителей размещены крайне неравномерно (у одних в чрезмерном количестве, у других — в недостаточном), наличие их в потребительских хозяйствах (а не в опте и не у производителей) сводит на-нет возможность нужного их перераспределения.

Надо сказать, что концентрация этих ресурсов в оптовом звене или даже у производителей данной продукции обеспечила бы — в отличие от нынешнего положения — необходимую их мобильность и, следовательно, более полное их производственное использование.

Нынешнее размещение ресурсов связано, в первую очередь, с избыточным, недисциплинированным финансированием. А поскольку это так, пониженное использование народнохозяйственных ресурсов создано практикой инфляционного финансирования.

Инфляция с двух сторон снижает эффективность использования народнохозяйственных ресурсов: один раз поддерживая непропорционально повышенное производство продуктов, скрывая и маскируя условную избыточность этого производства и отвлекая этим народнохозяйственные ресурсы на условно ненужное производство; а с другой стороны, она создает неправильное размещение и, следовательно, неполное использование и тех ресурсов, которые произведены отнюдь не в избыточных количествах.

Инфляционное финансирование народного хозяйства неизбежно приводит поэтому к снижению возможной в стране производственной работы.

* * *

Мы имеем дело с двусторонним процессом. Инфляция вызывает неравномерное и постольку местами чрезмерное накопление запасов у потребителей. С другой стороны, такое неправильное накопление запасов создает для хозяйственных органов финансовые затруднения. Оно тем самым вызывает потребность в дополнительном финансировании и, таким образом, диктует дальнейшее развитие инфляционного финансирования. Так, избыток финансирования, получающий видимость недостатка финансирования, толкает на дальнейшее развитие инфляции.

Мы указывали на то, что неравномерное и чрезмерное накопление запасов у производственных потребителей нецелесообразно, что целесообразнее было бы эти запасы концентрировать в оптовых звеньях снабженческой торговли. Но если говорить об инфляции не как о факторе образования запасов, а как о результате его, то могло бы показаться, что накопление тех же запасов в оптовых звеньях ничего не изменит в требовании дополнительного

финансирования. И если такое финансирование было инфляционным в одном случае, оно останется таким и в другом. В общей избыточности финансирования иное размещение финансируемых запасов, казалось бы, ничего не меняет. В зависимости от того или другого размещения запасов как будто бы только адресат финансирования меняется. Объем же этого финансирования определяется размерами запасов, а не их топографическим размещением.

Однако, это не так. Если речь идет об образовании избыточных запасов в связи с непропорциональностью самого производства, в связи с тем, что одни отрасли несоответственно с другими забегали вперед, то накопление запасов в производственном звене не обязательно потребует дополнительного финансирования. В меру таких избыточных запасов, прежде всего, должно сократиться производство данного товара; временно оно должно протекать на сниженном уровне, а в связи с этим упадет потребность и в финансировании.

Если же данный товар не вообще избыточно произведен, а только инфляционно неправильно размещен (избыточно в одних точках и дефицитно в других), то недопущение образования чрезмерных запасов у части потребителей не обязательно означает реальное накопление запасов в оптовом звене или у производителя. В этих условиях отказ от образования неравномерных запасов у части производственных потребителей не означает длительного накопления запасов в оптовом звене. Такой отказ вероятнее всего привел бы к более правильному снабжению всей совокупности производственных организаций, а следовательно, к более широкому размаху производства, а это значит: к более полной реализации переработанного в дальнейшем запаса сырья и материалов и, следовательно, к финансированию оборота за счет реализации данных ресурсов. В этих условиях потребность в дополнительном финансировании, поскольку она вызывалась образованием мертвого запаса, отпала бы.

Таким образом, иное размещение запасов могло бы ослабить инфляционистский нажим хозорганов на банк. Оно ослабило бы его и вследствие придержки непропорционально забегавших вперед производств и вследствие расширения — за счет мертвых запасов — отстающих производств.

И только в том случае, если бы мы заменили распыленные избыточные запасы длительными концентрированными запасами, запасами, немедленно производственно неиспользуемыми, только в этом случае потребность в финансировании осталась бы неизменной. И все же и в этом случае положение было бы принципиально иным. Если объем финансирования в этом случае и не изменится, то народнохозяйственная эффективность такого финансирования заметно подымется. Благодаря иному размещению резерв этот будет доступен экономическому маневрированию и, следовательно, в нужную минуту сможет быть использован для ослабления отрицательных последствий слишком широкого фи-

нансирования. При таком размещении запасов либеральное финансирование сможет быть в нужную минуту компенсировано соответственной товарной интервенцией. Если же те же запасы в немотивированных сочетаниях и размещениях мертвым грузом накапливаются в разных потребительских хозяйствах, то они для такого корректирования (слишком широкого финансирования), в сущности, пропали. В этом случае опасность избыточного кредитного питания лишь с величайшей трудностью и то лишь отчасти могла бы быть парализована.

Таким образом, идет ли речь о замене данного размещения чистой формой централизованного запаса, как запаса, или речь идет о более полном и правильном производственном использовании данных ресурсов, или о корректировке избыточно развернутых производств, — во всех этих случаях замена нынешнего типа размещения запасов другим означает существенное улучшение для денежного обращения и для всего народного хозяйства. Но для этого надо решительно прекратить практику избыточного финансирования.

* * *

Последние годы мы форсировали беспроектное строительство, чтобы хотя бы такой ценой ускорить строительство. В результате двухлетнего тяжелого опыта ВСНХ и РКИ пришли к тому выводу, что беспроектная спешка со строительством не ускоряет, а замедляет его. Было время, когда все были убеждены, что удорожает наше производство и снижает эффективность использования ресурсов страны только недостаток финансирования. Сейчас постепенно пробивается сознание, что и то и другое является результатом избыточного финансирования.

Лимитом в нашей стране являются материальные ресурсы и правильная организация их использования. Было бы недопустимо, если бы финансовая политика строилась так, чтобы задерживать тот рост народного хозяйства, который возможен с точки зрения наличных и доступных перераспределению материальных ресурсов. У финансовой политики советского государства нет никаких других задач, кроме разрешаемой ею задачи максимального обслуживания народно-хозяйственного под'ема.

Но не менее важно осознать и другое: что избыточное финансирование является фактором не роста, а разложения, фактором задержки и замедления в темпе народнохозяйственного под'ема. Оно ведет к распылению материальных ресурсов, к их разбросанности и разбазаренности, к раздуванию дефицитов и к фактическому понижению эффективности использования материальных ресурсов страны. Необходимо, чтобы это положение было нами осознано.